

На правах рукописи

РГБ ОД

- 3 МАЯ 2000

МАСЛЕННИКОВА Евгения Михайловна

**СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ТЕКСТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

(на материале переводов поэтических текстов)

Специальность 10.02.19 — общее языкознание,
социолингвистика, психолингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тверь-2000

Работа выполнена на кафедре общего и классического языкознания
Тверского государственного университета

Научный руководитель: Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А.А. Романов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Ю.А. Сорокин
кандидат филологических наук,
доцент Т.А. Жалагина

Ведущая организация: Волгоградский государственный
педагогический университет

Защита состоится « 5 » апреля 2000 г. в 14 час. 00 мин.
на заседании диссертационного совета К 063.97.10 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 — общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика в Тверском государственном университете по адресу: 170002, г.Тверь, проспект Чайковского, д. 70, корпус 4, филологический факультет, ауд. 35.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета (ул. Володарского, 42).

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170013, г.Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственной университет, ученому секретарю.

Автореферат разослан « 4 » марта 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Л.П. Рыжова

Ш 407, 0

Реферируемое диссертационное исследование посвящено интегральному коммуникативно-прагматическому и семантическому анализу смысловых трансформаций поэтического текста при переводе.

Текстовая (художественная) двуязычная коммуникация перевода с учетом языковых, социокультурных и личностных факторов выступает объектом исследования. Выбор данного объекта обусловлен неразработанностью вопроса о деятельностной и личностно ориентированной основе стратегий текстопонимания и смыслообразования, о причинах вариативности понимания, «приращения» или «утраты» смысла воспринимаемого текста.

При всем внимании к проблемам перевода и переводческой деятельности хорошо изучены только отдельные аспекты, а именно: переводимость/непереводимость; адекватность/неадекватность; требования к профессиональной деятельности; набор используемых средств и способов; проблема устаревания перевода; функционирование лексических единиц и их контекстуальная реализация. Недостаточность узколингвистического подхода заключается в том, что он не учитывает прагматические аспекты двуязычной коммуникации, в которой переводчик является одновременно адресатом/читателем текста оригинала (T^1) и адресантом текста перевода (T^2), предназначенного для читателя в системе переводящего языка (ПЯ). Присоритет сегодня отдается динамическому подходу, итогом которого должно явиться установление особенностей перевода как полноценной коммуникативной деятельности, направленной на распределение и спредмечивание смыслов T^1 в T^2 и объединяющей коммуникантов, два языка, две культуры, две этические, эстетические и смысловые системы.

Решение данного круга вопросов невозможно без понимания того, что успешность двуязычной коммуникации перевода зависит от таких ее функциональных компонентов как когнитивные репертуары, индивидуальные системы знаний и особенности языковых систем участников текстовой коммуникации; текст T^1 и текст T^2 ; коммуникативные и интерпретационные стратегии; социальный контекст (идеология, социальные, культурные и исторические факторы; литературные традиции); прагматический контекст (тема, условия, ситуация, способ коммуникации, характеристики коммуникантов); экстралингвистический контекст.

Актуальность работы определяется неразработанностью механизмов поэтической коммуникации и потребностью интегрального коммуникативно-прагматического и когнитивно-семантического подхода к художественному (поэтическому) тексту, ориентированного на исследование текста как акта коммуникации, выявление внутренних закономерностей его организации с учетом социальных, психологических и экстралингвистических факторов, влияющих на коммуникацию, а также набора правил, формальных и содержательных параметров конкретного текста.

Цель диссертации состоит в выявлении и анализе смысловых транс-

формаций поэтического текста при межъязыковых и межкультурных преобразованиях.

Для достижения указанной цели были определены следующие задачи:

- выявить взаимодействие языковых, социокультурных и личностных факторов в преобразовании смыслов поэтического текста;
- описать функциональные особенности стратегий семантического «управления» фреймом поэтического текста-сонета;
- построить типологию смысловых трансформаций на основе языковых, логических и прагматических конститутивных признаков текста.

Цель и задачи, представленные в настоящем исследовании, обусловили выбор методов и приемов. В работе применены методы семантической и прагматической интерпретации; трансформационного и пресуппозитивно-контекстуального анализа и фреймового моделирования. Социально-контекстуальные методы использовались для изучения характера социальных и межкультурных отношений коммуникантов. Смысл текста интерпретируется через обращение к коммуникативно-прагматическому контексту.

Теоретической базой исследования послужили работы ученых, занимающихся проблемами восприятия и понимания текста с позиций теории деятельности, теории коммуникации, прагма-, социо- и психолингвистики, логико-семантического анализа, филологической герменевтики: В.В. Богданова, Г.И. Богина, Л.Г. Васильева, Т.М. Дридзе, А.А. Залевской, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, М.Л. Макарова, Ю.А. Сорокина, И.П. Сусова, А.М. Шахпаровича, М. Агара, Т.А. ван Дейка, В. Кинча, Дж. Лича и др. За основу работы взята концепция функционально-семантического представления речевого произведения, разработанная А.А. Романовым.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. Изменения (расширение, сужение, дополнение, замещение, перенос) смысловой структуры текста и выбор стратегий текстопонимания и смыслообразования обусловлены историко-временными и социокультурными факторами, различиями культурных кодов, коммуникативно-прагматическими намерениями коммуникантов, межъязыковыми оценками коммуникации, этнокультурными стереотипами и ожиданиями.
2. Общая схема построения текста (или фреймовая конфигурация текста) является вариабельной в заполнении при понимании или интерпретировании текста как узальная модель текстопостроения. К факторам, определяющим стратегии заполнения фрейма текста, относятся индивидуальные особенности, интенции и коммуникативные стратегии, когнитивные ренертуары и системы знаний участников текстовой коммуникации; социальный контекст, экстралингвистический контекст. Заполнение фрейма текста связано с наличием «эталонов» и «трафаретов», задаваемых национально- и культурно-маркированными стратегиями, и обусловлено многочисленными факторами психологического, когнитивного

и социокультурного планов, функционирующими в социуме системы ценностей.

3. Смысловые трансформации поэтического текста представлены четырьмя основными типами, которые определяются контрастом, амбивалентностью и рекомбинированностью смыслов: «расщепление», «паследование», «спелнение» смыслов текста и «адаптация» к системе «принимающего» языка и культуры. При восприятии и понимании поэтического текста информационные и смысловые «потери» компенсируются введением индивидуальных (личностных) смыслов.
4. В качестве инварианта поэтического текста, включающего все основные неизменные признаки при межкультурных, межъязыковых и внутриязыковых преобразованиях, выступают как инвариантная схема текста (его фреймовая конфигурация), так и система смыслов, мотивов, тем и образов, образующих поэтический мир текста.

Выбор в качестве материала переводов сонетов В. Шекспира вызван тем, что «перевод интересен как механизм, рельефно проявляющий... художественную модель произведения, которую... нельзя непосредственно абстрагировать от текста, но можно установить, фиксируя то, что сохраняется в переводе» [Резвин 1977:245]. Анализу подверглись шесть поэтических переводов и два прозаических перевода сонетного цикла, а также отдельные переводы, созданные в 1839-1999 гг., объемом 1637 единиц (текстов сонетов).

Научная новизна исследования состоит в комплексном коммуникативно-прагматическом подходе к смысловым трансформациям поэтического текста, что позволяет принять во внимание экстралингвистические и интралингвистические факторы. Изучение такого явления как смысл способствует описанию закономерностей развития и функционирования языка в социуме и позволяет осмыслить с лингвистической точки зрения аспекты воздействия направляющих и определяющих стратегии текстопонимания и смыслообразования ценностей, стереотипных моделей речевого и социального поведения, расширяет представления о соотношении культурных и языковых планов коммуникации. Разработка типологии смысловых трансформаций поэтического текста опирается на представление смыслового поля текста как совокупности ядерных смыслов и смысловой периферии.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, результаты исследования вносят определенный вклад в развитие коммуникативно-прагматического подхода к изучению закономерностей механизмов текстопонимания и смыслообразования, в дальнейшую разработку проблем, связанных с общей теорией коммуникации, психо-, социо- и этнолингвистикой, лингвокультурологией, межкультурной коммуникацией.

Практическая ценность работы определяется возможностью применения ее основных положений, выводов и результатов в преподавании ряда дисциплин высшей школы: спецкурсов по теории и практике перевода, за-

нятий по практике преподавания русского и иностранного языка, аналитическому чтению художественного текста, лингвострановедению.

Цель работы, круг обсуждаемых и рассматриваемых проблем обуславливают композицию работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка условных обозначений и сокращений, приложений.

Во введении определяются цель, задачи, методы, актуальность и новизна исследования, формулируются выносимые на защиту положения, обосновывается теоретическая и практическая значимость выводов диссертации.

В первой главе «Поэтический текст в художественной коммуникации перевода» рассматриваются особенности перевода как двуязычной деятельности, особенности условия успешности текстовой художественной коммуникации и составляющих ее компонентов, контекстуальные условия функционирования иноязычного и инокультурного текста, содержательные, жанровые и тематические аспекты поэтического текста.

Во второй главе «Фреймовая организация текста-сонета» рассматриваются особенности текста-сонета, описываются фреймовый подход к представлению семантики и стратегии «управления» фреймом текста.

В третьей главе «Смысловые трансформации поэтического текста-сонета при переводе» предлагается типология смысловых трансформаций поэтического текста при межъязыковых и межкультурных преобразованиях и рассматриваются причины, приводящие к смысловым трансформациям.

В заключении содержатся основные выводы и результаты диссертации, намечаются перспективы и задачи дальнейших исследований.

Текст сопровождается списком литературы и приложениями.

Результаты исследования были апробированы на заседаниях кафедры общего и классического языкознания Тверского государственного университета и Лингвистической школы-семинара, а также на конференциях «Человек: язык, культура, познание» (Кривой Рог, 1997), «Когнитивная лингвистика конца XX века» (Минск, 1997), «Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании» (Тверь, 1998), «Актуальные проблемы русистики» (Самара, 1998), «Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе» (Пенза, 1999), «Актуальные проблемы филологии в вузе и школе» (Тверь, 1999), «Этническая ментальность в художественной литературе» (Ставрополь, 1999), «Виноградовские чтения: Прагматические аспекты грамматической и синтаксической семантики» (Москва, 2000).

По теме диссертации опубликовано 19 работ в межвузовских сборниках научных трудов (объем 5,75 п.л.).

Содержание работы

Акт художественной (поэтической) коммуникации, опосредованной художественным текстом и характеризующейся, в отличие от реальной си-

туацни общения «лицом к лицу», разделением коммуникантов пространственно-временными и культурно-историческими барьерами, получением нового адресата при каждом обращении к тексту, включается не только в автодиалог «поэт/адресант ↔ поэт/адресат», но и в отношения «поэт/адресант ↔ читатель». В результате совмещения двух адресатов, внутреннего — автора и внешнего — читателя, возникает двойной смысл поэтического текста. Художественный текст открыт коммуникативной ситуации, в которой он порождается под влиянием взаимодействующих внешних факторов (замысел автора, свойства и характеристики читателя), т.е. он закрыт по форме (материальная фиксация), но открыт для понимания. Интерпретирующий текст становится равным/эквивалентным интерпретируемому тексту лишь условно, а их совпадение всегда приблизительно. Возникновение динамической системы смыслов поэтического текста есть возникновение целого из определенного количества значений и смыслов единиц текста в результате их корректирующих, координирующих, направляющих связей и взаимной рефлекторности поэтического слова.

Поэтическая коммуникация становится полноценной при условии знания или понимания кода автора, поэтической традиции, литературной школы и эпохи как компонентов фонового знания, т.к. поэтический текст отличается кодифицированностью, наличием индивидуальных смыслов и образной системы. Она предполагает читательское сопереживание, возникающее в результате взаимодействия когнитивной оценки текста и описанной ситуации на основе своего опыта, а также возникновение и переключение эмоций как переадресацию с текста «на себя» под воздействием внешних условий. Непрерывный динамический режим «текст ↔ читатель» несет творческий момент: у каждого обратившегося к тексту читателя своя коммуникативная реакция (положительная, отрицательная, нейтральная) и интерпретация. Отношения между адресатом и адресантом, адресантом и высказыванием или между адресантом, высказыванием и действительностью реализуются посредством функциональных значений, связывающих части высказывания, которые участвуют в планировании, организации, исправлении коммуникации и определяют структуру текста.

Понимание направлено на «реконструкцию» авторского замысла и/или установление его истинного намерения. Выбор стратегий, уровня и типа понимания задается текстом, его коммуникативно-информативной организацией, моделью жанра и моделью мира у читателя. Переводчик становится активным интерпретатором смыслов T^1 , поскольку он создает «свой» текст не в виде простой суммы элементов-НЯ, соответствующих элементам исходного языка (ИЯ), а «реконструирует» текст с установкой на конкретного потребителя для достижения коммуникативного эффекта.

Вне сферы интересов исследователей, работы которых посвящены разграничению и определению понятий «смысл», «значение» и «содержание»

текста [см.: Бондарко 1978; Васильев 1986; Донских 1984; Дридзе 1980, 1984; Звегинцев 1976б; Зимняя 1976; Кацнельсон 1972; Кибрик 1987; Новиков 1982; Павиленис 1983; Слосарева 1963; Шахнарович 1987, 1998; Рупнат 1986 и др.], оказываются особенности и причины смысловых изменений, преобразований, трансформаций при восприятии и понимании художественного (поэтического) текста.

Выделение смысла, значения и содержания текста связано с вариативностью понимания текста, т.к. смысл₁ текста, заложенный в него автором, и смысл₂, который извлекается при обращении и интерпретации текста, не тождественны. Смысл₁ как семантическая структура текста будет постоянным относительно автора и его когнитивной программы, а смысл₂ формируется заново при каждом новом обращении к тексту, поэтому смысл₁ семантичен, а смысл₂ прагматичен. Возможность сосуществования и получения новых интерпретаций одного текста заложена в язык и поддерживается вариативностью его системы на всех уровнях. Тот факт, что один текст может быть основой для нескольких интерпретаций, которые выявляют различающиеся полностью или частично системы смыслов, объясняется асимметричностью отношений внутри пары «Смысл \leftrightarrow Текст». Потенциальная неповторимость и свобода индивидуальных прочтений художественного и культурно значимого текста ограничена законами восприятия, культурным фоном, совпадением/несовпадением культур, литератур и традиций. Читатель выделяет и фиксирует актуальные смыслы относительно современной ему социокультурной ситуации. Из текста извлекается, в первую очередь, личностный смысл, реже — универсальный, т.к. личностное отношение к сообщаемому организует выборочный характер восприятия.

Трансформационный потенциал смысловой структуры текста образован набором трансформаций, допустимых как самой смысловой структурой, так и особенностями поэтического текста (амбивалентность семантики, многоплановость и многозначность, рефлексивность слова), создающих предпосылки к вариативности понимания и интерпретирования. Под трансформацией понимается установление инвариантного соотношения между T^1 и T^2 . Передача инвариантного плана содержания T^1 средствами ПЯ происходит на уровне смысловых отношений; планы выражения T^1 и его переводов, чьи планы содержания не совпадают из-за различия языков.

Инвариантом текста будем называть характеризующую величину, которая остается неизменной при межъязыковых, межкультурных и т.п. преобразованиях или по отношению к его отдельным преобразованиям в системе языка (при внутриязыковом или адаптивном переводе). Инвариант поэтического текста образован смысловой структурой текста, совокупностью поэтических мотивов и художественной идеей как основным метасмыслом. Поэтический перевод допускает потерю второстепенных смыслов, однако на базе подобного инварианта должно быть возможным восстановление

исходного смысла. Понятие «одинаковость смысла» двух текстов предполагает определение соответствия/несоответствия составляющих их элементов и семантических отношений между ними.

Коммуниканты обращаются не только к знанию языка, норм и правил его функционирования, но и к своему опыту, сведениям о содержании текста, стратегиям и процедурам освоения опыта и представления знаний. В основе когнитивной (психологической) модели памяти человека, опирающейся на теорию фреймов М. Минского [Минский 1979; Minsky 1988], лежит положение о восприятии действительности через сопоставление имеющихся в памяти фреймов, каждый из которых связан с концептуальным объектом памяти, и информацией из мира действительности.

При восприятии текста читатель организует незнакомые фреймы-сценарии в соответствии с имеющимися планами (сценариями, ориентированными на определенную цель) и схемами (сценариями, связанными с отдельными объектами или событиями действительности). Фрейм обеспечивает входение в ситуацию и «работу-ориентацию» в ней. Если базовый фрейм не «работает», то на его основе строится новый, где сравниваются ситуация базового фрейма и реальная ситуация. Гибкость смысловой структуры заключается в том, что можно трансформировать ее элементы и смыслы в соответствии с полученным и/или имеющимся знанием о структуре предметной области в компоненте стереотипной части фрейма.

Фрейм-ситуация формируется представлениями о прототипической ситуации и ее элементах, имеющих фиксированные роли и положения. Семантические модели управления фреймом связаны с определенными требованиями к контексту, непосредственному семантическому и синтаксическому окружению языковой единицы. При заполнении переменных учитывается ситуационный контекст и контекстуальная норма, что позволяет говорить о контекстно-обусловленных стратегиях заполнения базового фрейма. Заполнение слотов фрейма сета 147 обусловлено сценарием об эпизоде «лечение», который включает роли «больной», «врач», цели «получить/оказать врачебную помощь», конвенциональные установки «получить помощь и выздороветь/оказать помощь»; при этом интерпретируются разные аспекты входящих данных: *love is as a fever* — *лихорадка* (Гербель; Шуф), *горячка* (Федоров). Активизатором сцены и/или сценария выступает слово в контексте, которое сравнивается с зафиксированным в стереотипном эпизоде. При заполнении переменных задействуются концептуальными структурами памяти, где «отложен» опыт, касающийся отношений понятий и сущностей (врач↔больной) и приписывания им соответствующих данной ситуации типовых ролей: врач дает *рецепт на лекарства* (Кремлев) — *бальзам для ран* (Гербель), *травы и коренья* (Маршак), *пилюли* (Степанов) — и предписывает *соблюдать режим* (Москвина).

В определении соответствия/несоответствия элемента текста фрейму,

выбранному в качестве ограничителя сочетаемости элементов, участвуют условия: 1) совместимость понятия и фрейма в концептуальной системе индивида; 2) категориальная семантическая сочетаемость внутри текста; 3) определяющий признак (собственный, ограничивающий, оценивающий) для свойств и характеристик элемента текста; 4) типизация отношений элементов текста по сходству моделей управления фрейма.

Совместимость понятия и фрейма в индивидуальной концептуальной системе индивида связана с тем фактом, что признаки фрейма устанавливаются на основе договоренности между коммуникантами, для которых они будут информативно значимыми. Понятийный ряд представлен списком понятий и их признаков, позволяющим соотнести стереотипные эпизоды с определенным сценарием. При построении причинных цепочек и заполнении слотов активизируются концептуальные структуры памяти.

Категориально предопределенная семантическая сочетаемость связана с логической совместимостью понятий: *дождь для полей/стада* и *ливень для пустыни* являются корректными, т.к. не противоречат фрейму как *X важен для Y, так Z важен для U, поскольку P (несут жизнь)*:

<i>1. So are you to my thoughts as food to life,</i>	<i>1. Ты для меня, что пища для людей,</i>
<i>2. Or as sweet-season'd showers are to the ground...</i>	<i>2. Что летний дождь для жаждущего стада...</i>
	(перевод А.М. Финкеля)
<i>соплет 75</i>	<i>1. Ты для меня — как хлеб для бедняка,</i>
	<i>2. Как долгожданный ливень для пустыни...</i>
	(перевод И. Фрадкина)

Определяющий признак важен тем, что упоминание объекта предполагает наименование признака, который входит в его имя: для *dryer/the dryer's hand* признаком выступает *subdued* (профессия «выдает» обладателя по внешнему виду); выбор ограничен условием применимости признака:

<i>6. And almost thence my nature is subdued</i>	<i>6. Как краскою маляр, отметила позором...</i>
	(перевод В. Мазуркевича)
<i>7. To what it works in, like the dyer's hand...</i>	<i>5. Всегда запачкан сажеей трубочист...</i>
	(перевод А.С. Сустина)
<i>сонет 111</i>	<i>6. И ремесла отмечен я печатью,</i>
	<i>7. Как краскою красильщика рука...</i>
	(перевод А.М. Финкеля)

Приписывание слову значения, конкретного семантического и синтаксического управления, обеспечивающего воспроизводимость и эффективность конкретного акта коммуникации, позволяет говорить о ролевой семантике и рассмотреть особенности заполнения узлов фрейма.

Фрейм-рамка текста состоит из ядра (постоянной части) и периферии (переменной части). В зависимости от содержания ядра и периферии идет развертывание фреймовой структуры в текст как конкретную реализацию типового фрейма. Ядро выражает связи и отношения, характеризующие

предметные области, и определяет выбор периферии. Постоянная часть определяется синтаксической структурой, а переменная часть задается семантикой. Рамка фрейма служит синтаксическим условием его реализации.

Выделенные в работе девять «базовых» фреймов текста-сонета (X , (не) *делай* Y и *будет* P , где Y — «тело» сонета, занимающее три катрена, а P — вывод из (не)действия X , дашний в двустишии; X (не) *есть* Y , *поэтому* P ; X *имеет* Y -а, *который специфицирует* X -а, *поэтому* P ; *когда с* X *случится* Y , *то будет* P (*останется* Z) и др.) могут видоизменяться и модифицироваться, включать различные дополнения и уточнения с помощью набора переменных «второй очереди»: X *есть такой* Y , *который отличается свойством/признаком* Z , *поэтому* P . Информация, содержащаяся в переменных, может задавать ограничения на их семантическое заполнение и вывод P . При фреймовом подходе к семантическому заполнению T^2 можно говорить о фиксированном наборе смысловых ролей и соответствующих им семантических «пустот», заполняемых переводчиком.

Переводчик ориентируется на достижение соответствия между выразительными возможностями ПЯ в T^2 и избыточностью средств ИЯ в T^1 . Специфика конкретного языка и культуры привносит свои особенности (лингвистические, экстралингвистические, прагматические) в формирование пропотипического представления об элементах фрейма, влияя на вариативность его заполнения. Элементы ИЯ могут не иметь соответствий в ПЯ, входить или не входить в информационный тезаурус читателя ПЯ, объединяющего как лингвистические и экстралингвистические знания, статус (социальный, культурный, образовательный), так и эмоциональные впечатления. Незнание и/или непонимание затрудняет выделение авторских доминантных смыслов и смыслообразующих единиц текста. Читатель, не имеющий достаточного объема знаний, при интерпретации заполняет «непонятое» (личностные текстовые лакуны).

Набор переменных компонентов ассоциируется с данными, характеризующими объект, или с их частью. Переменные в T^1 и T^2 могут принадлежать к одному классу, к любому представителю класса и т.д. Семантическое заполнение включает набор предварительных условий, которые должны стать истинными после данной процедуры. Если для объекта x_1 имеется функция x_3 , а объект x_2 похож на x_1 , то, следовательно, для объекта x_2 также подходит функция x_3 . В сонете 93 выражение *like a deceived husband* позволяет достроить конфигурацию «обман», которая включает связи между структурами знаний для анализа контекста и инициирует заполнение фрейма в соответствии с тематической ситуацией.

1. *So shall I live, supposing thou art true,* 1. *Я буду жить в неведении своем*
2. *Like a deceived husband; so love's* 2. *Как муж рогатый; и в лице, что*
face... *мил...*

сонет 93

(перевод С. Степанова)

Критерием соответствия (адекватности/эквивалентности) T^1 и T^2 назовем совокупность условий, являющихся одновременно достаточными и необходимыми: условие системности и условие свойств, когда в рамках T^2 оказываются полностью или частично упомянутыми отношения T^1 .

Особое значение имеют способность и возможность индивида к выделению смыслообразующих единиц текста и их адекватное/эквивалентное перераспредмечивание языковыми средствами. Переводчик свободен в выборе путей поиска смысла: смысловое пространство текста актуализируется при обращении к тексту. Если в сонетах мотив *забвения* включен в парадигму смыслов *бессмысленность воспоминаний как неизбежное* или *быть забытым/оставленным (судьбой, людьми)*, то в переводах прослеживается тенденция к смыслу *смерть как забвение* и злоупотреблению «кладбищенской романтикой», характерной для романтизма и символизма.

1. *Nor longer mourn for me when I am dead* 3. *За все, в чем виноват, меня прости*
 2. *Than you shall hear the sullen bell...* 4. *В тот день, когда мой гроб окрысят в яму*
 5. *И в помыслах меня похоронят...*
 13. *Земли насыпят на могилу гробу...*

сонет 71

(перевод А.С. Суекина)

Многозначное слово может относиться к нескольким альтернативным фреймам, но, относясь к понятию, оно однозначно. Расширение межфреймовых связей вызвано метафоричностью и метонимичностью стиха; «метафорический перенос предполагает наличие области источника и области мышления», которая «структурируется пропозиционной или образно-схематической моделью» [Лакофф 1995:181]:

7. *Which by and by black night doth take away,* 7. *Ночь темная, и покою всех клоня*
 8. *Death's second self, that seals up all in rest...* 8. *(Двойник твой, Смерть!), его влечет куда-то.*
 7. *Его уводит, ночь, -- небытия двойник...*

сонет 73

(перевод П.В. Быкова)

Семантическая модель управления фреймом характеризует не отдельные слова, а понятия. Переменные фрейма-рамки T^1 содержат дескрипции объектов, чьи референты переводчик идентифицирует и/или выводит в процессе своей деятельности. Знание «значения переменной» связано с ее соотносительностью с референтами дескрипций. При заполнении переменных фрейма ограничения налагаются семантическими маркерами, относящимися к понятийному ряду, который направляет отбор языковых единиц. Локальное сходство между переменными существует, если они входят в соответствующие рубрики тезауруса. Во фрейме *X редок как Y* переменные должны удовлетворять условию *драгоценность в украшении*:

7. *Like stones of worth they thinly placed are,* 6. *Подобно жемчугам, заделанным в венце,*
 7. *Иль ряду дорогих алмазов на кольце...*
 8. *Or captain jewels in the* (перевод Н.В. Гербея)

carcanet...

8. *Ведь крупных перлов мало в ожерелье...*

сонет 52

(перевод С. Ильина)

Критерием соответствия/несоответствия проверяемой единицы текста указанному в T¹ семантическому маркеру является наличие у него того же описания *a precious stone/драгоценный камень*, т.е. фиксируются соответствия между наименованием признаков и группой признаков на разных уровнях обобщения. Необходимо отметить, что проверке подлежат не буквальные соответствия ограничивающего маркера — *the carcanet/ожерелье, шитый золотом воротник*, а совместимость и непротиворечивость (в логическом смысле) понятия, заполняющего переменную, и данного маркера. В этом случае *жемчужины в венце* и *алмазы в кольце* будут корректными и совместимыми. Заполнение рамок имеет один из четырех типов оценки: фактически истинно; ложно; противоречиво; неопределенно.

Соответствия между наименованиями признаков переменных и групп признаков бывают на разном уровне обобщения: часть→целое, элемент→множество и причина→следствие. Механизм переноса общих характеристик элементов T¹ назовем «механизмом наследования», а обратный процесс — «механизмом возврата». При переносе характеристик и семантической сочетаемости различаются, по меньшей мере, три типа процессов: изменение, превращение, уничтожение/возникновение. Так, *the lark/жаворонок* подразумевает тот класс объектов (*птицы*), к которому принадлежит именуемый объект. В переводах идет замена на универсальный (*птица — ласточка*) или специфицируемый признак (*певчая птица — соловей*). Возможно стягивание *the lark sings hymns at heaven's gate* до одного образа — *птичка Божья*.

11. *Like to the lark at break of day arising* 10. *При мысли о тебе, как ласточка с зарею...*
(перевод Н.В. Гербеля)

12. *From sullen earth, sings hymns at heaven's gate...* 11. *Как птичка Божья, почуяз пробужденье...*
(перевод Ив. Мамуны)

сонет 29 11. *И жаворонком, вопреки судьбе...*

(перевод С.Я. Маршак)

11. *И, сбросив груз, взлетаю соловьем...*

(перевод А. Либермана)

Заполнение фрейма поэтического текста обусловлено знанием об общих типах эпизодов и кодах (культурных, литературных, мифопоэтических), связанных с ними ожиданиями соответствующих смыслов, мотивов, мифопоэтических символов, а также тенденциями к коннотирующим тематическим шаблонам. Пара *дом-тело как дом души* выражает на поверхностном уровне оппозицию между *физическим* и *духовным*, а на глубинном — символизирует оппозицию *замкнутость (внутреннее)* и *оторванность (внешнее)*; мотив *возвращения к любимому как возвращение домой* маркирует соответствующий смысл *скитания-заблуждения*:

5. *That is my home of love. If I have rang'd,* 5. *К тебе, источник всех моих желаний*
 6. *Like him that travels, I return again...* 12. *Услышав скрип родимых половиц...*
 сонет 109 (перевод А.С. Суекина)

Семантическое заполнение фрейма может идти на уровне тематико-мотивной аналогии с учетом логико-семантических структур или систем смыслов, а де- и реконструкция фреймовой конфигурации T^1 при переводе — относительно поэтического мира текста в результате взаимодействия опыта и системы знаний индивида через обращение к культурной памяти в системе ПЯ.

Смысловое поле поэтического текста — это структура, имеющая ядро и периферию, т.е. супер-, макро- и микросмыслы в их составе. Основными чертами смыслового поля будут: 1) возможность выделения центра/ядра в смысловой структуре текста, по отношению к которому другие составляющие структуру элементы образуют ее периферию; 2) возможность к перекрециванию, наложению и взаимопроникновению у составляющих периферию элементов. Периферия смысловой структуры текста имеет свои подсистемы, объединяющиеся в своеобразные группы согласно связям системного характера. Микросмысл, оказываясь на стыке двух или более макросмыслов, служит объединяющим звеном в точке их пересечения и/или наложения. Контекстно-смысловые комплексы представляют комбинации смысла и контекстуальных средств их реализации и функционирования, где контекст оказывается равноправным компонентом, уточняющим и конкретизирующим тот или иной смысл, выраженный языковыми средствами. При трансформации допускается изменение одного или нескольких микросмыслов текста, если при этом сохраняется метасмысл (художественная идея), включающий свойства, входящих в его состав смыслов. В T^2 может наблюдаться неоднородность распределения смысловых «пучков»: происходит смещение подобных пучков, изменения в концентрации смыслов по сравнению с T^1 , отдельные смыслы оказываются или сжатыми, или растянутыми. Происходящие изменения в смысловой структуре вызваны переосмыслением смысла текста в процессе развертывания T^1 переводчиком и приводят к искажению идеи текста.

Выделяемые в текстах T^1 и T^2 смыслы делятся на: 1) равнозначные, т.е. логически равноправные; 2) градуальные, обладающие различной степенью какого-либо признака; 3) антонимические; 4) синонимические. Тексты T^1 и T^2 вступают в однонаправленные (тождество смыслов), разнонаправленные (вариантно-инвариантные, частичное тождество, включение, пересечение, наложение смыслов) или репрезентативные отношения.

Смысловые трансформации поэтического текста представлены типами:

- смысловая трансформация «расщепление» смысла T^1 ;
- смысловая трансформация «наследование» смысла T^1 : 1) «ядерное на-

следования); 2) «периферийное наследование»; 3) «полное наследование»;

- смысловая трансформация «сцепление» смысла/смыслов T^1 ;
- смысловая трансформация «адаптация» смысла T^1 к системе ПЯ: 1) адаптация смысла T^1 к культуре переводящего языка; 2) адаптация смысла T^1 к среднему уровню читателя ПЯ.

Смыслы T^1 и T^2 изначально не могут быть полностью тождественными друг другу в силу их ситуативно заданной уникальности. В основе *смысловой трансформации «расщепление»* лежит допущение, что смысловая структура текста может быть «разбита» на ряд подсистем, одна из которых является основной (ядерной). «Расщепления» происходят в зависимости от способа представления: смысловой структуры и организации текста; отношений между его элементами; выбора лексических значений единиц.

В сонете 15 наблюдается просценирование T^1 на T^2 и выведение значения выражения *this huge stage* из контекста, с помощью умозаключения происходит заполнение пропущенной составляющей *stage*. Данное преобразование сохраняет свойство образа, обеспечивая реализацию одной и той же функции при одновременном расширении смысла мир — *это театр*:

3. *That this huge stage presentest nought but shows* 3. *Что этот мир — подмостки, где картины*
 4. *Whereon the stars in secret influence comment...* 4. *Сменяются под волхованьем звезд...*
 сонет 15 4. *Сменяются без пауз и антрактов...*
 (перевод С.Я. Маршака)

При расщеплении смысла к ключевому слову добавляется новая периферия, которая задает в T^2 новые смыслы; например, признакам *folly/глупость, безумие*, контролирующей *skill/умение*, называются специфицируемые признаки *ума (докторская тога, диплом, кафедра)*, т.е. «механизм возврата» общих характеристик признаков переменных действует в направлении причина → следствие. В результате заполнения фрейма значение переменной становится равным значению выражения:

9. *And folly, doctor-like, 10. Безумье кафедрой владеет. Праздник адский!*
controlling skill... (перевод В. Бенедиктова)
 сонет 66 9. *Как в докторской тоге, с дипломом в руках*
 10. *Безумие гордо шагает!*
 (перевод В. Гоппена)

Расщепление смысла T^1 может быть связано и с ситуацией ПЯ. Так, в сонете 66 смысл *неправедных почестей* получает новое расширение и пересекается с темой *власти, награждающей-пустоту*, т.е. переводчик выводит умозаключение о заполнении узлов фрейма в соответствии со сценарием «своего» времени, отражающем действия *власти*:

5. *And gilded honour shamefully* 9. *ни Пустоты, чья вся в наградах грудь...*
misplac'd... (перевод Р. Винонена)

сонет 66 *5. От срама орденов и галунов...*

(перевод В. Орла)

Один из компонентов смысловой структуры «деградирует», в другой может включаться в T^2 за счет рекомбинации с лично-смысловыми образованиями, опосредованными смыслом T^1 . Перераспределение и рекомбинации смыслов приводят к односторонней комбинативной изменчивости за счет процессов разрыва и переноса («приписывания») свойств T^2 на T^1 .

В основе *смысловой трансформации «наследование»*, которая обеспечивает воспроизведение смысла (системы смыслов) T^1 средствами ПЯ, лежат процессы объединения и распределения языкового материала T^1 , поэтому закономерности наследования зависят от особенностей фрейм-рамки T^1 , типа описываемой в тексте ситуации/сценария. В зависимости от локализации ключевых слов T^1 , которые как «смысловые вехи», поддерживают номинативное единство и целостность текста и участвуют в его создании функционально-семантического поля, тематического ядра и периферии, различаются: 1) «ядерное наследование» с восстановлением малого набора ключевых слов, отражающего тему текста; 2) «периферийное наследование», когда восстанавливается средний набор ключевых слов, обеспечивающий передачу темы и подтемы; 3) «полное наследование» с восстановлением максимально возможного набора ключевых слов, детализирующих подтемы и субподтемы. Виды «ядерное наследование» и «периферийное наследование» имеют неполное доминирование смыслов. Внутри комплекса «ключевое слово+периферия» элементы обладают способностью к перекрещиванию, наложению и взаимопроникновению, а периферия является конкретизатором ядра смысловой структуры.

В основе *смысловой трансформации «сцепление»* лежит локализация нескольких смыслов T^1 в одном смысле T^2 . Переводчик выделяет коммуникативно значимые, ядерные (с его точки зрения), периферийные элементы и смыслы T^1 . Побочным эффектом может сказаться то, что ядерными эти смыслы будут для переводчика, в то время как в T^1 они являются периферийными, и наоборот. При переводе преобладают ситуативно-субъективные приоритетные стратегии в выборе и передаче смыслов и элементов T^1 над абсолютными/объективными стратегиями.

«Сцепление» выражается в том, что микросмыслы, входящие в один макросмысл, имеют тенденцию «наследоваться» вместе. Это приводит к образованию нового «общего» смысла, объединяющего признаки исходных смыслов T^1 . В результате вероятность возникновения рекомбинаторных сочетаний смыслов выше, чем это возможно при самостоятельном наследовании. Микросмыслы в пределах одной группы характеризуются различной степенью сцепления в зависимости от расстояния между ними. Чем больше расстояние между микросмыслами в составе одного макросмысла, тем меньше сила их сцепления друг с другом и тем чаще образуются ре-

комбинаторные типы смысловых отношений в T^2 .

Коммуникативная установка читателя в значительной мере определяет «перепонимание» авторской установки из-за прагматических условий восприятия. При ситуативном «преломлении» текста читатель рефлектирует уже не над миром автора и текста, а над собственным миром и выбирает то, что он «понял». Создание нового смысла идет путем преобразования смысла T^1 или рекомбинаций с другими смыслами. «Вторичный» смысл T^2 выводится из исходных смыслов T^1 в результате изменений семантики и структуры по заданной модели T^1 и возникает из-за введения переводчиками новых смыслов в силу субъективного, личностного преломления текста «через себя». Если в сонете 66 *страх оставить любовь одну не позволяет умереть* (*Tir'd with all these, from these would I be gone, Save that, to die, I leave my love alone*), то переводчик образует новые смыслы, вытесняющие авторские: слепым можно назвать не только бога, который допускает власть зла над добром (*captive good attending captain ill*), но и бога любви:

10. Стоя у смертного порога

11. Слепой взмолит слепого бога.

12. Когда расплавится гранит,

13. Одна любовь лишь устоит:

14. Я — с ней, куда б ни шла дорога!

(перевод Е.В. Жлычкова)

Актуализация смысла зависит от реализации читателем авторского подтекста, подготовленного языковыми средствами (например, аллюзией) в пределах слова, предложения, текста. Читательский подтекст как явление переменное может задавать новое переосмысление текста. При выделении маркеров интертекстуальности, вызывающих ассоциации, представления и идеи, всю ситуацию текста-прототипа, что содействует добавлению в текст новых смыслов, происходит проникновение культурной памяти, передаваемой текстом, в индивидуальный опыт субъекта и наоборот — индивидуального опыта, отраженного в тексте, в культурную память. Строка *die for goodness* и *who have liv'd for crime* прочитывается как *умереть за добро и жить во зле (в преступлении)* и выводит читателя на Евангельскую притчу о раскаянии разбойника на кресте (Евангелие от Луки, XXIII, 40-43): человека (справедливо) осуждают по делам его, но он всегда может покаяться. В переводах *смерть тех, кто жил в преступлении, оказывается добром и добродетелью*; смысл раскаяния полностью снимается.

13. *To this I witness call the* 13. *И этому ты, времениц, свидетель,*
fools of time, 14. *Чья жизнь - порок, а гибель - добродетель.*

14. *Which die for goodness, who*
have liv'd for crime.

(перевод С.Я. Маршака)

13. *Сошлись на тех, кто жил в греховной тьме,*
сонет 124 14. *Но умер как разбойник на кресте.*

(перевод М.И. Чайковского)

Изменчивость T^1 может быть не только качественной или количественной, но и направленной или ненаправленной под воздействием внешних факторов. Адаптация смысла T^1 к системе ПЯ сводится к упрощению структуры и/или утрате свойственной T^1 функции. К смысловым трансформациям приводят коммуникативные ошибки, вызванные несовпадением картин мира ИЯ и ПЯ: переводчик вписывает T^1 в привычную для него картину мира, что сопровождается наложением и отражением его языковой личности на T^2 . Смысловая трансформация «адаптация» смысла имеет два вида: 1) адаптация к культуре ПЯ; 2) адаптация к среднему уровню читателя. Элементы текста могут переходить из центра на периферию; особенно это касается смыслов, актуальных в историческом и/или социокультурном отношении. Адаптация к культуре ПЯ вызвана ценностными противоречиями на уровне «закрепленных» моделей поведения и связана с социальными ролями и формулами этикета. Максима отношения предполагает релевантность отношений T^1 в T^2 , чтобы смыслы текста не вызывали негативную оценку у носителя языкового и энциклопедического опыта ПЯ:

4. *Написанные любящей рукой...*

4. *Написанные дружеской рукой...*

(перевод С.Я. Маршака, 1947г.)

(перевод С.Я. Маршака)

Ориентация на массового читателя и требования массовой культуры ПЯ приводит к устранению непривычных стилистических приемов, реалий, аллюзий, реминисценций. T^2 достигает «порога доступности», т.е. имеющегося у среднего читателя объема знаний, уровня культурного развития, потребностей и интересов. Перемещение, «сдвиг» семантических компонентов текста дает и/или компенсирует смысловые потери внутри отдельных сегментов, связанных друг с другом логическими и смысловыми связями. Произвольная избирательность трактовки текста зависит от субъективного фактора и связана с отсутствием культурных реальностей в социуме ПЯ. Библизмы *the ending doom è the judgement/Страшный суд* передают ситуацию, когда мертвые воскреснут для суда, праведники попадут в рай, а грешники — в ад; смысл *воскрешения после смерти* в переводах снят.

12. *That wear this world out to the ending doom.*

12. *Навстретит юность будущих веков.*

13. *So, till the judgment that yourself arise...*

13. *И ты, моложе правнучек своих...*

(перевод Л. Москвиной)

сонет 55

Смысловые трансформации связаны с несовершенством механизмов понимания, а именно с вербализацией прошлого опыта, учетом характера коммуникативной потребности, выбором (правильным/неправильным) замысла, недостаточной эксплицитностью художественного (поэтического) текста, нераспознаванием слова, которое относится к понятию (группе понятий), входящих в незнакомую предметную область. Перестройка смы-

словой структуры текста вызвана уподоблением, слиянием смыслов с одновременной утратой более «слабого»; видоизменением исходных смыслов в процессе восприятия и понимания текста путем изменения их структуры и/или состава; воздействием внешних причин; образованием нового смысла по заданной в тексте модели смыслообразования с помощью стяжения и развития значений; адаптационной нейтрализацией смысла.

Причины смысловых трансформаций, лежат в незнании и/или непонимании лексики T^1 и коммуникативного намерения его автора; в несовпадении стереотипов поведения в системах ИЯ и ПЯ, представлений о развитии типичного сценария и о типовом образце фрейма-ситуации. На смысловые трансформации влияют этнокультурные стереотипы и предрассудки, межъязыковые оценки коммуникации, культурно-коммуникативные экспектации; тезаурус и фоновые знания. Сочетание отдельных смыслов ограничено их несовпадением (несовместимостью) в разных языках и культурах.

Трудность подхода к смысловым трансформациям текста заключается в отсутствии инвентаря смыслов и формальных правил их нахождения, т.е. правил нахождения смысла и правил, которые отождествляют смысл с определенными единицами текста. Достигнутые в ходе исследования результаты позволяют перенести проблему смысла в несколько иную плоскость, а именно рассмотреть функциональную обусловленность преобразований смысла/смыслов художественного (поэтического) текста.

Основное содержание работы отражено в публикациях:

1. К вопросу о сохранении интертекстуальных связей текста оригинала при переводе // Антропоцентрический подход к языку. Пермь, 1998. Ч.1. С.53-66.
2. Восприятие интертекстуальных связей текста // Актуальные проблемы лингвистики в вузе и школе. М.; Пенза, 1999. С. 154-155.
3. Непонимание текста как филологическая проблема // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1999. С. 88-89.
4. Особенности перевода как двуязычной коммуникации // Тверской меридиан. Вып. 3. Тверь, 1999. С. 62-71.
5. Условия признания текстов функционально-семантическими инвариантами // Язык, культура и социум в гуманитарной парадигме. Москва-Тверь, 1999. С. 50-53.
6. Контекстуальные условия функционирования иноязычного текста // Этническая ментальность в художественной литературе. Ставрополь, 1999. С. 250-253.
7. Функциональные особенности стратегий семантического «управления» фреймом // Виноградовские чтения: Прагматические аспекты грамматической и синтаксической семантики. Москва, 2000. С. 50-52.